

УДК 141

DOI: 10.25730/VSU.7606.23.037

Онтологические истоки понимания и практическая деятельность человека

Сколяр Юлия Николаевна

соискатель, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ».
Россия, г. Москва. E-mail: jskoliar@yandex.ru

Аннотация. В статье осуществлена попытка исследования человеческого понимания, объектом которого выступает практическая деятельность, и которое в рамках деятельностного подхода становится комплексной стратегией и характеризуется уникальными внутренними отношениями онтологической сферы субъекта действия. Методологической базой исследования становятся философские подходы к определению понимания деятельности, начиная с трудов древних греков, где оно связывается с мудростью, здравым смыслом и решением дискуссионных задач, до позиций классической философии, в которой понимание собственной деятельности выступает как связь человека с окружающим миром, онтологически укореняется. Актуализируется наследие философов отечественной гносеологической школы, которые развивали деятельностный подход в исследовании понимающего процесса. Основной акцент в статье поставлен на понимании деятельностной стороны жизни, на включенности в коллективное бытие, на понимании других участников деятельного процесса и на самопонимании. Понимание в онтологии деятельности рассмотрено как аутентичная непосредственная действительность внутреннего мира субъекта и как связующее звено, опосредующее всякую совместную деятельность. Цель статьи состоит в представлении понимания деятельности как онтологического единства субъективного и объективного понимания, которое Г. С. Сковорода называл сродность, В. Дильтей – жизнеотношение, М. М. Бахтин – участное мышление. Понимание, направленное на практическую, творческую, деятельностную сторону жизни, раскрывает особый пласт бытийствования человека, в диалектике субъективного и объективного в понимании осуществляется взаимопереход между предметом деятельности и его пониманием, посредством творческой активности человеческая личность внутренне организуется. С учетом существующих подходов к проблематике феномена понимания показана его онтологическая константативность, которая раскрывает диалектическую взаимосвязанность объективного понимания окружающего мира и субъективного понимания, индивидуального и коллективного бытия, репрезентируя аутентичность понимания, сродность и творческую самодеятельность.

Ключевые слова: понимание, деятельность, бытие, практическое сознание, субъект, ответственность, самопонимание.

*Благодаря пониманию человек способен действовать практически,
а значит – существовать.
А. А. Брудный «Психологическая герменевтика»*

Введение. Изучение процесса понимания приобретает значительное развитие в современных философско-теоретических построениях. Актуальность обращения к изучению феномена понимания усиливается за счет того, что понимание является точкой соприкосновения социально-гуманитарных наук, неизменным местом встречи гносеологии, онтологии, практической философии, философии истории, философии политики. На сегодняшний день особенно актуальной становится проблематика понимания, объектом которой выступает человеческая деятельность, не только познавательная, но и практическая. Как писал основатель общей теории понимания Ф. Шлейермахер, мы воспринимаем комплекс мысли как «момент жизни определенного человека» [21, с. 167], от понимания текстов мы переходим к пониманию бытия, а деятельность есть то, что фундировано в бытии, она и есть «субстанция человеческого способа бытия, то что лежит в основе... этого бытия» [7, с. 76]. В этой связи следует отметить, что дефиниции практической направленности понимания формулировались еще древними авторами, но в целом в философской традиции практическое понимание изучалось периферийно по сравнению с пониманием теоретическим, временами они даже противопоставлялись, и причиной этому, на наш взгляд, служит занижение внимания к чувственной и предметной практической деятельности.

В философской литературе можно встретить определение понимания деятельности, как атеоретического, то есть такого, которое противоположно достоинствам теоретической

деятельности и сводится к здравому смыслу или к овеществленной стороне научного объяснения мира. В этом случае практическая деятельность лишается изучения с точки зрения ее понимания непосредственно человеком и понимания им себя-как-действующего. Более того, некоторые философские учения разграничивают субъективное понимание и признание предметной объективности, от чего последнее становится критерием гносеологических концепций реализма, эмпиризма и позитивизма, согласно которому человечество испытывает «мир как опыт, он независим от нас» [15, с. 102]. Следование такому принципу приводит к тому, что содержание бытийственной сферы оказывается независимым от субъективного понимания, сокращая сферу объективного бытия. В этом случае деятельность как часть объективного бытия становится независимой от понимания, а понимание в отношении к деятельности приобретает черты простой рецептивности, как конгломерата, который выделен «случайным сечением через сферу бытия» [16, с. 105], и который конституируется внешними воздействиями.

Но так или иначе, всякая теория должна быть приобщена к практике, к практическому разуму, а действительное, историческое бытие, то смысловое бытие, которое заложено в поступке, в действительности, в деле – намного весомее бытия теоретического. И эта онтологическая константативность понимания, направленного на всякую выполняемую деятельность, позволяет ему быть одновременно и субъективным, и объективным, поскольку в деятельности осуществляется диалектика понимания субъективных проявлений и объективно данного.

Методология исследования. Методология исследования проблематики феномена практического понимания в контексте человеческой деятельности требует обращения к культурно-историческому аспекту деятельности, к мотивам людей. Проблематика понимания, направленного на деятельность, волновала умы древних мыслителей, так, уже у Аристотеля мы обнаруживаем понятие *φρόνησις*, практическая мудрость, которая включает в себя понимание цели всякого действия и поступка. Далее, это понятие *φρόνησις* заинтересовало этическую мысль, но она связывала его исключительно с нравственным сознанием, со стремлением понять сложившуюся ситуацию с точки зрения ответственности за выбранное решение, но действуя при этом не механически, а подключив интуицию, проницательность, его применяли на публичных дебатах, при разрешении конфликтных ситуаций в стремлении к «устранению непредвиденных обстоятельств» [12, с. 10]. В Средние века и во время расцвета классической философской мысли *φρόνησις* продолжает рассматриваться как благоразумие, но такое, которое начинает отождествляться со здравым смыслом, от чего становится интеллектуальным разумом, направленным на практические нужды. Следует отметить, что у Г. Гегеля практическое рассмотрение понимания становится производным от той деятельности, которую осуществляет дух. В лице И. Г. Фихте мы видим ориентацию философии на практику, а в его абсолютном «Я» между субъективным и объективным возникает знак равенства, мыслитель раскрывает познание как познание-действие, олицетворяющее отношение к деятельности, «помысли себя, построй понятие в самом себе и заметь, как ты это делаешь» [19, с. 484]. У И. Г. Фихте мысль выражает действие, и уже само представление себя мыслящим есть полагание себя действующим, и такое мышление являет в себе особенное бытийственное определение, его понятием «исключаются все остальные виды бытия» [19, с. 129]. Продолжение онтологического расположения практического понимания мы находим у В. Дильтея, для него предикаты деятельности становятся предикатами жизнеотношения, они обнаруживают себя не только как внутренние состояния, но и как целеполагания и основа ценностного мировоззрения. Жизнеотношения могут быть моментами, могут длиться во времени, они превращают окружающую действительность в расширение существования, в возрастание человеческой силы, или «ограничивают свободное пространство моего существования, оказывают на меня давление, уменьшают мою силу» [4, с. 177].

По мнению М. М. Бахтина, весь теоретический мир построен в принципиальном отвлечении от единичности конкретного, действующего человека, участвующего в бытии актом своего поступка, и этот акт становится актом двунаправленной ответственности: за свое содержание в виде специальной ответственности, и за свое бытие в виде ответственности нравственной, и ответственность специальная приобщается к единству нравственной. М. М. Бахтин утверждал, что в теоретическом мире нельзя осуществить практическую ориентацию, мир теории не требует жизни и действия, ответственного поступка, как и собственно, самого человека. По мнению М. М. Бахтина, к истине в вопросе прояснения практического понимания наиболее близок наивный реализм, который формулирует практику как нашу жизнь

в реальном мире, тогда как мир нашей мысли есть его отражение, «мы сами со всеми нашими мыслями и содержанием их в нем есмы...» [2, с. 14]. Мыслители Нового времени, идя путем обобщений, оставляли за порогом этих обобщений сам непосредственный поступок мышления, его бытийственную мотивируемость, отчего смысл содержания поступка отдалается от его исторической бытийственности, тогда как поступок является реальным и причастным бытию-событию, только в его целом он утвердительно есть и жив, он «становится, свершается, он действительно живой участник события» [2, с. 7]. Релятивисты, отрицая автономность истины, доходили до ее обусловленности чужим для нее моментом практической жизни, тогда как автономность и самоопределяемость, методологическая чистота истины делают ее причастной к бытию, «относительная изнутри самой себя истина не нужна жизни-событию» [2, с. 14]. Пониманию, которое, осознавая деятельность, становится бытием человека, М. М. Бахтин дал имя «участного мышления», утверждая, что познавательное бытие, облаченное в строгие научные термины, наделяется отвлеченным смыслом, далее, даже противопоставляется ему, тогда как познавательный акт не заключен внутри продукта отвлеченного смысла, а поступок ответственный «приобщает всякую временную значимость единственному бытию-событию» [2, с. 15].

В трудах философов отечественной гносеологической школы был разработан деятельностный подход, в рамках которого проводилось исследование понимающей способности, направленной на практическую деятельность. Во многих случаях понимание практики должно рассматриваться как здравый смысл, укорененность в повседневности, требование объективности и адекватности. Так, Е. К. Быстрицкий отмечал, что практическое сознание характеризуется фактичностью, нацеленностью на «конкретные, индивидуальные стороны существующего (сущего) мира...» [11, с. 142]. Целостная концепция онтологии творческой жизни представлена в работах С. Л. Рубинштейна, мыслитель расширяет бытие от вещно-объектного до вселенского, включающего человека. Исходя из этого, понимание собственной деятельности не может быть объяснено или «только извне» или только «изнутри», оно объясняется с позиции независимой от внешнего или внутреннего. На этот счет Г. С. Батищев отмечает, что положения С. Л. Рубинштейна, утверждающие обусловленность действий внешних причин внутренними условиями, создают некую кентавризацию внешнего с внутренним, которая приводит к сужению поля сопричастности бытию других субъектов и принадлежит субъект-объектной схеме, не позволяющей субъекту вырваться из поглощенности жизни. Для Г. С. Батищева бытие выше вещно-объектного уровня, а процесс развития способностей человека есть «процесс развития человека, а не вещей, которые он порождает» [1, с. 124].

Тем не менее главной особенностью понимания деятельности остается его направленность на активную сторону жизни, которая понимается человеком в связи с пониманием своего бытия, самого себя, других, своего бытия с другими. По утверждениям В. С. Швырева, в любой научно-практической деятельности реализуется способность интеллекта к пониманию практической деятельности, и это «понимание» представляет собой «человеческую субъективную реальность» [20, с. 14], которая не только включает в себя непосредственный план выполняемой в определенный момент деятельности, но и выражает познавательный и ответственный акт отношения к миру.

Результаты. В контексте методологии деятельностного подхода теории понимания деятельность входит в состав субъекта и определяет его, единство личности – это диалектика деяний субъекта и их воздействия на него. Как писал С. Л. Рубинштейн, субъект «в актах творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется» [14, с. 106]. К. Н. Любутин, развивая идеи И. Г. Фихте, утверждал, что «в основе сознания, в основе абсолютного «Я» находится «дело-действие»» [8, с. 28], и любое понимание имеет отношение к практической жизни, раскрывая действительность и реализуя возможности действовать в ней. Осуществление понимающего процесса согласуется с внутренним «Я» человека в процессе погружения в деятельностное поле, субъекту становится доступно понимание других исключительно в случае, когда «структура и содержание моих действий будет изоморфно соответствовать структуре и содержанию действий другого» [7, с. 89]. Именно совместная деятельность людей создает интерсубъективность, которая проникает во внутренний субъективный мир другого человека: «чтобы понять другого, надо в некотором отношении самому стать этим другим» [7, с. 89]. Понять другого означает способность научиться действовать как другой, в составе его опорных пунктов практического понимания, а идентичность мотивов и поступков конструирует интерсубъективность и, следовательно, по-

нимание. В понимании, предметом которого является деятельность, выделяются опорные точки: что я делаю; как делаю; почему и для чего; на основании каких навыков; с кем. Родство понимания, схожесть интерпретации различными людьми создает коллектив единомышленников, неперемное условие для достижения наивысших результатов деятельности.

Природа таких концептуальных предметных связей субъекта действия и выполняемой деятельности обнаруживает явление сродности. Эту категорию в отечественную философскую мысль ввел Г. С. Сковорода, обозначив момент соотношения индивидуального и универсального в бытии, не только в антропологической, но и в метафизической плоскости. Термин «сродность» описывает согласие всего процесса структуры внутренней жизни с выполняемой деятельностью, с осуществляемым общением. Чтобы лучше раскрыть категорию сродности, Г. С. Сковорода, в привычной для себя манере, раскрывает ей противоположное: «Перве узнай все тое, в чем она не состоит» [17, с. 108], а потом, переварив пустые закаулки, доберешься к месту его обитания. И далее: губительно для человека следующее: входить в «не сродную статью. Несть должность, природе противну. Обучаться к чему не рожден. Дружить с теми, к коим не рожден» [17, с. 116]. Именно эти дорожки – подлинные пути несчастья человека.

Развиваясь, человек взаимодействует с миром, понимая себя – самоопределяется, несет ответственность, будучи конечным, зависимым и страдающим существом, человек активно изменяет мир и принимает ответственность «за все содеянное им и все им упущенное» [14, с. 253]. С. Л. Рубинштейн писал, что в человеке способность деятельности раскрывается в стремлении изменить объективное, «изменяя к лучшему другого человека» [16, с. 244]. Онтологическое фундирование понимания ответственности заключается в совпадении влечения и долга, это олицетворяет высший уровень бытия субъекта и перекликается с понятием сродности Г. С. Сковороды. Касательно того, на что направлена ответственность: на внутренний замысел или результат действия, С. Л. Рубинштейн акцентирует внимание на предвосхищении субъектом действия результатов своей деятельности, и это предвосхищение заключено в человеческом самопонимании, таким образом, вопрос ответственности не только переносится в конкретный план, но и приводится к тому, «в какой мере и какие последствия поступка фактически учитываются» [3, с. 250]. С. Л. Рубинштейн корректирует понятие деятельности при помощи понятия активность. Активность – это не простая вещно-объектная активность, не простое механическое действие центробежного субъективного вектора, она имеет направление не только от себя, но и к себе.

Понимание деятельности онтологически укоренено: и в субъективном, и в объективном бытийственном пространстве. Понимание, сосредоточенное исключительно в объективной стороне бытия, утверждает разделение понимающего процесса в целом и понимания осуществляемой деятельности, отдаляется от самого существа деятельности, суть которого заключена в диалектике субъективных и объективных пониманий, а не в их разнонаправленности. В чистой рецептивности, в погружении в субъективное бытие, деятельность ничего не привносит от себя самой, она характеризуется как независящая от понимающей субъективной способности, она негативно влияет на всякую творческую самодеятельность и деятельность активность, кажется чужеродной, насильственно привнесенной и несродной бытию. Объективность деятельности – это не независимость от понимания и не внешнее содержание, это – ее свершение в понимании субъективном, это связывание внешнего и внутреннего мира. В этом случае человек становится самостоятельным и завершенным гармоническим целым, а конфликт между объективной данностью и самостоятельностью творчества исчерпывается тем, что внешняя объективная данность «включает в себя элемент творческой самостоятельности» [15, с. 104]. Также на прорыв из замкнутости рефлексии в живой мир созерцания и действия, который осуществляется благодаря деятельностному характеру понимания, указывал философ А. А. Яковлев, отмечая, что в понимании деятельности «человек оказывается способным познавать новое в окружающем мире...» [22, с. 63].

Понимание – объективно, но в том случае, когда оно направлено на деятельность, сама объективная деятельность приобретает субъективные составляющие. Деятельность не только внешнее событие, не простая пассивная рецептивность, она находится в соотношении с бытием субъекта и его пониманием. Бытие, будучи независимым от субъекта, разворачиваясь в деятельностной части, соотносит объективное с субъективным. Все наши знания, понятия, идеи, теории, изобретения, существующие объективно, возникают в ходе познавательной, понимающей деятельности субъекта и существуют в напряжении понимания между объективной деятельностью и творческой самодеятельностью, которую рождает интерес, идущий из глубин внутреннего мира.

Аутентичность понимания собственной деятельности есть влечение к ней, интерес, вызванный онтологической потребностью действия, «эта потребность есть первое, а сознание мира есть производное» [18, с. 84]. Стремление к действию рождает стремление к познанию, отчего познание, направленное на практику, и становится основой понимания, в этом раскрывается аутентичность понимания, и в вопросе рассмотрения феномена практического понимания процесс реальной жизни не замещается абстрактными построениями, которые отделены от действительности. Онтологический вектор исследований феномена практического понимания соединяет дело-действие и понимающие способности, сама «понятность мира» подразумевает нашу возможность понимания мира, в которой непременно должны «выполняться предпосылки самого существования человека, понимающего этот мир» [10, с. 75], искать и реализовывать жизненный смысл, который есть итог «ежедневных духовных и практических усилий» [5, с. 26], есть понимание себя как части бытия общества и культуры.

Понимание – это онтологическая, а не логическая характеристика субъекта, сам человек воспринимается как центр, и задав вопрос о том, как мы понимаем, человек рассматривает себя как действующего, как практического, то есть как цельную личность, существующую «на основе работы онтологического синтеза человека над собой и над другими» [9, с. 33]. К фактичности понимания прибавляется еще и понимание человеком себя-как-действующего, и себя-как-действующего-в-мире, себя, который обусловлен культурной и исторической традицией, знаково-символической реальностью. Это внутренний план понимания. Он идет дальше, чем реконструкция смыслов, заданных извне, это понимание уже себя как автора, это ответственное понимание, у М. М. Бахтина – участное мышление, это понимание уже знает мир, оно проникает не в мир автора, а в свой мир, мир своих идей и замыслов, своих смыслов.

Понимание в своем практическом значении назначено раскрыть действительность такой, какой она является на самом деле, в настоящем реальном виде. Понимание-действие – это специфический, особенный способ бытийствования человека. Понимание объективной реальности не простое идеальное познавательное отношение, оно «практическое действие..., отношение сущего к сущему» [13, с. 298]. Человек – «сущее, включенное в состав сущего» [13, с. 299], поэтому взаимодействие между субъектом и объектом, их отношения должны быть рассмотрены не только идеально в сознании, но также и «в труде, реально, материально» [13, с. 361]. Отсюда возникает необходимость включения всякого действия производящего труда в онтологию человеческого бытия как существенного звена. Сама творческая самодеятельность полагается как сродность с объективным существованием, которая конструирует связь между субъективным и объективным и реализует себя как диалектика пониманий. Между субъективным и объективным пониманием деятельности существует прямая связь, прямая пропорциональность, то есть сродность к деятельности, идущая из глубин субъективного мира, которая объективизируется посредством творческой самодеятельности, конструирует объективное бытие субъекта и понимание объективного реального мира. Диалектика субъективного и объективного в понимании деятельности разворачивает взаимосвязь и взаимопереход между предметом деятельности и его пониманием. Это обеспечивается творческой активностью деятельности, тогда как разделение объективного предмета и субъективного понимания представляет собой деятельность как пассивный несродный человеку процесс.

Деятельность как творческая самостоятельность не только предполагает субъекта как источника деяний, но и как создающегося этими деяниями, они включаются в него, и личность становится при этом внутренне связанным целым. В диалектике субъективного и объективного в деятельности, в сродности, личность не распадается на саму себя и деяние, их внутренняя связь сохраняется, понимая деятельность, мы сталкиваемся не с «Я», а с «Я-действием» и «Я-сродным». Всякая объективно внешняя данность окружающей действительности воспринимается не как потусторонняя, а как не только взаимодействующая с субъектом, но и «им преобразуемая» [6, с. 72]. В. В. Лапицкий указывает, что именно эта причина производит переворот в гносеологическом знании, а именно понимание внешней объективности сопрягается с историей человека, с признанием объективных законов его деятельности. Человечество как субъект практического действия в своей суверенности преодолевает ограниченный внутренний опыт несuverенного индивидуального субъекта, и объективность общественно-исторической деятельности снимает субъективность индивидуального изолированного понимания.

Обсуждение и заключение. Понимание деятельности идет от человеческого опыта самого себя, от вопроса о нас самих и о смысле нашего существования, обнажается аутентичность

практического сознания, аутентичность понимания, предметом которого становится деятельность. Аутентичность деятельности заключена в непосредственной действительности внутреннего мира, она не становится предметом мучительной рефлексии, сам мир срастается со способом его понимания в деятельности, где понимание бытия не происходит как понимание чего-то обособленного, а происходит как понимание непосредственного существования, необходимо включающего в себя и практическую деятельность, и ее аутентичность.

Деятельность принадлежит и объективному, и субъективному миру, она совершается в диалектике понимания, направленного как вовне, так и внутрь. Поэтому на наш взгляд, проведение демаркационных линий, которые относили бы понимание деятельности *φρόνησις* к субъективной или к объективной сфере, безрезультативны, поскольку «объективно не то, что дано, а то, что завершено» [15, с. 104], и свое завершение всякая деятельность, будучи объективной, находит во внутреннем субъективном мире, в системе не «Я», а «Я-действующего». Объективность деятельности всегда несет в себе творческую самодеятельность, начало которой исходит от меня самого, мною вносится, отчего понимание-действие не может быть только объективно ориентировано, оно становится бытием и утверждается в своем онтологическом постоянстве своим свершением.

Список литературы

1. Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб. : Изд-во РХГИ, 1997. 464 с.
2. Бахтин М. М. К философии поступка : собр. соч. Т. 1. М. : Языки славянских культур, 1999. С. 7–65.
3. Дементий Л. И. Проблема ответственности в научном наследии С. Л. Рубинштейна и ее развитие в концепции ответственности личности как свойства субъекта жизнедеятельности // Психология человека в современном мире. М. : ИПРАН, 2009. № 3. С. 248–253.
4. Дильтей В. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3. М. : Три квадрата, 2004. 419 с.
5. Ермоленко Г. А., Кожевников С. Б. Цифровизация современной культуры и гуманитарная рефлексия // Цифровая гуманитаристика: человек в «прозрачном» обществе : коллективная монография. М. : Московский городской педагогический университет, 2021. С. 21–28.
6. Лапицкий В. В. Структура и функции субъекта познания. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1983. 159 с.
7. Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Понимание: деятельностный подход к проблеме определения сущности явления // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2007. № 7. С. 75–90.
8. Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1993. 416 с.
9. Магомед-Эминов М. Ш. Деконструкция понятия субъекта на основе практического поворота в понимании человека // Актуальные проблемы развития личности в современном обществе : мат-лы Международной научно-практической конференции / под ред. Д. Я. Грибановой. 2020. С. 30–38.
10. Мамардашвили М. К. Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки. М. : Лабиринт, 1996. 432 с.
11. Мировоззренческая культура личности (философские проблемы формирования) / В. П. Иванов, Е. К. Быстрицкий, Н. Ф. Тарасенко, В. П. Козловский; отв. ред. В. П. Иванов; АН УССР, Ин-т философии. Киев : Наук. думка, 1986. 292 с.
12. Пареллада Р. Теория практической мудрости Аристотеля // Альманах Центра изучения средневековой культуры / под ред. О. Э. Душина, К. А. Шмораги. СПб.; Псков : Псковский государственный университет, 2021. С. 7–40.
13. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб. : Питер, 2003. 512 с.
14. Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования. М. : Изд-во АН, 1958. 148 с.
15. Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101–108.
16. Рюмина Л. И. Постановка и анализ проблем бытия в трудах С. Л. Рубинштейна // Психология человека в современном мире. М. : ИПРАН, 2009. № 3. С. 239–245.
17. Сковорода Г. С. Сочинения. Собранные и отредактированные проф. Д. И. Багалеем. Харьков : Типография губернского правления, 1894.
18. Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи; [Назначение человека]. СПб, 1906. 133 с.
19. Фихте И. Г. Сочинения : в 2 т. Т. 1. / сост. и примеч. В. Волжского. СПб. : Мифрил, 1993. 687 с.
20. Швырев В. С. Понимание в структуре научного знания // Загадка человеческого понимания : сб. ст. / сост. В. П. Филатов. М. : Политиздат, 1991. С. 8–24.
21. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб. : Европейский Дом, 2004. 242 с.
22. Яковлев А. А. Что является объектом понимания? // Загадка человеческого понимания : сб. ст. / сост. В. П. Филатов. М. : Политиздат, 1991. С. 53–71.

Ontological origins of understanding and practical human activity

Skoliar Yulia Nikolaevna

degree seeking student, National Research Nuclear University "MEPhI".
Russia, Moscow. E-mail: jskoliar@yandex.ru

Abstract. The article attempts to study human understanding, the object of which is practical activity, and which, within the framework of the activity approach, becomes a comprehensive strategy and is characterized by unique internal relations of the ontological sphere of the subject of action. The methodological basis of the research is philosophical approaches to defining the understanding of activity, starting with the writings of the ancient Greeks, where it is associated with wisdom, common sense and the solution of controversial problems, to the positions of classical philosophy, in which the understanding of one's own activity acts as a person's connection with the outside world, ontologically rooted. The legacy of the philosophers of the Russian epistemological school, who developed an activity-based approach to the study of the understanding process, is being updated. The main emphasis in the article is on understanding the activity side of life, on inclusion in collective existence, on understanding other participants in the active process and on self-understanding. Understanding in the ontology of activity is considered as an authentic direct reality of the inner world of the subject and as a connecting link mediating any joint activity. The purpose of the article is to present the understanding of activity as an ontological unity of subjective and objective understanding, which G. S. Skovoroda called affinity, V. Diltey – life relationship, M. M. Bakhtin is a participant mindset. Understanding aimed at the practical, creative, activity side of life reveals a special layer of human existence, in the dialectic of the subjective and objective in understanding, there is a mutual transition between the subject of activity and its understanding, through creative activity the human personality is internally organized. Taking into account the existing approaches to the problems of the phenomenon of understanding, its ontological constancy is shown, which reveals the dialectical interconnectedness of objective understanding of the surrounding world and subjective understanding, individual and collective being, representing the authenticity of understanding, affinity and creative self-activity.

Keywords: understanding, activity, being, practical consciousness, subject, responsibility, self-understanding.

References

1. *Batishchev G. S. Vvedenie v dialektiku tvorchestva* [Introduction to the dialectic of creativity]. SPb. Publishing House of Russian Academy of Sciences. 1997. 464 p.
2. *Bahtin M. M. K filosofii postupka : sobr. soch. T. 1* [Towards the philosophy of action : collected works, vol. 1]. M. Languages of Slavic cultures. 1999. Pp. 7–65.
3. *Dementij L. I. Problema otvetstvennosti v nauchnom nasledii S. L. Rubinshtejna i ee razvitie v koncepcii otvetstvennosti lichnosti kak svojstva sub"ekta zhiznedeyatel'nosti* [The problem of responsibility in the scientific heritage of S. L. Rubinstein and its development in the concept of personal responsibility as a property of a subject of vital activity] // *Psihologiya cheloveka v sovremennom mire – Human psychology in the modern world*. M. IPRAN. 2009. No. 3. Pp. 248–253.
4. *Diltey V. Sobranie sochinenij : v 6 t. T. 3* [Collected works : in 6 vols. Vol. 3]. M. Tri kvadrata (Three squares). 2004. 419 p.
5. *Ermolenko G. A., Kozhevnikov S. B. Cifrovizaciya sovremennoj kul'tury i gumanitarnaya refleksiya* [Digitalization of modern culture and humanitarian reflection] // *Cifrovaya gumanitaristika: chelovek v "prozrachnom" obshchestve : kollektivnaya monografiya – Digital humanities: a person in a "transparent" society : collective monograph*. M. Moscow City Pedagogical University. 2021. Pp. 21–28.
6. *Lapickij V. V. Struktura i funkcii sub'ekta poznaniya* [Structure and functions of the subject of cognition]. L. Publishing House of LSU. 1983. 159 p.
7. *Lyubutin K. N., Kondrashov P. N. Ponimanie: deyatel'nostnyj podhod k probleme opredeleniya sushchnosti yavleniya* [Understanding: an activity-based approach to the problem of determining the essence of a phenomenon] // *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk – Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2007. No. 7. Pp. 75–90.
8. *Lyubutin K. N., Pivovarov D. V. Dialektika sub'ekta i ob'ekta* [Dialectics of subject and object]. Yekaterinburg. Ural Publishing House. Unita. 1993. 416 p.
9. *Magomed-Eminov M. Sh. Dekonstrukciya ponyatiya sub'ekta na osnove prakticheskogo povorota v ponimanii cheloveka* [Deconstruction of the concept of the subject on the basis of a practical turn in the understanding of man] // *Aktual'nye problemy razvitiya lichnosti v sovremennom obshchestve : mat-ly Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii – Actual problems of personality development in modern society : materials of the International Scientific and Practical Conference / ed. by D. Ya. Gribanova*. 2020. Pp. 30–38.
10. *Mamardashvili M. K. Neobhodimost' sebya. Lekcii. Stat'i. Filosofskie zametki* [The necessity of oneself. Lectures. Articles. Philosophical notes]. M. Labyrinth. 1996. 432 p.

11. *Mirovozzrencheskaya kul'tura lichnosti (filosofskie problemy formirovaniya)* – Ideological culture of personality (philosophical problems of formation) / V. P. Ivanov, E. K. Bystritsky, N. F. Tarasenko, V. P. Kozlovsky; ed. V. P. Ivanov; Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, Institute of Philosophy. Kiev. Nauk. dumka. 1986. 292 p.
12. *Parellada R. Teoriya prakticheskoy mudrosti Aristotelya* [Theory of practical wisdom of Aristotle] // *Al'manah Centra izucheniya srednevekovoj kul'tury* – Almanac of the Center for the study of Medieval culture / ed. by O. E. Dushin, K. A. Shmoragi. SPb.; Pskov. Pskov State University. 2021. Pp. 7–40.
13. *Rubinstein S. L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and consciousness. Man and the world]. SPb. St. Petersburg. 2003. 512 p.
14. *Rubinstein S. L. O myshlenii i putyakh ego issledovaniya* [On thinking and the ways of its research]. M. Publishing House of the Academy of Sciences. 1958. 148 p.
15. *Rubinstein S. L. Princip tvorcheskoj samodeyatelnosti* [The principle of creative self-activity] // *Voprosy psichologii* – Questions of psychology. 1986. No. 4. Pp. 101–108.
16. *Ryumina L. I. Postanovka i analiz problem bytiya v trudah S. L. Rubinshtejna* [Formulation and analysis of the problems of being in the works of S. L. Rubinstein] // *Psichologiya cheloveka v sovremennom mire* – Human psychology in the modern world. M. IPRAN. 2009. No. 3. Pp. 239–245.
17. *Skovoroda G. S. Sochineniya. Sobrannoe i redaktirovannoe prof. D. I. Bagaleyem* [Essays. Collected and ed. by Prof. D. I. Bagaley]. Kharkov. Printing House of the provincial government. 1894.
18. *Fichte I. G. Osnovnye cherty sovremennoj epohi; [Naznachenie cheloveka]* [The main features of the modern era; [Appointment of a person]]. SPb. 1906. 133 p.
19. *Fichte I. G. Sochineniya : v 2 t. T. 1* [Works : in 2 vols. Vol. 1.] / comp. and notes by V. Volzhsky. SPb. Mithril. 1993. 687 p.
20. *Shvyrev V. S. Ponimanie v strukture nauchnogo znaniya* [Understanding in the structure of scientific knowledge] // *Zagadka chelovecheskogo ponimaniya : sb. st.* – The riddle of human understanding : collection of articles / comp. V. P. Filatov. M. Politizdat. 1991. Pp. 8–24.
21. *Schleiermacher F. Hermenevtika* [Hermeneutics]. SPb. European House. 2004. 242 p.
22. *Yakovlev A. A. Chto yavlyaetsya ob'ektom ponimaniya?* [What is the object of understanding?] // *Zagadka chelovecheskogo ponimaniya : sb. st.* – The riddle of human understanding : collection of articles / comp. V. P. Filatov. M. Politizdat. 1991. Pp. 53–71.